

нему перед другими, безусловно, может встретить ряд рекомендаций по усовершенствованию. Вероятно, смелее можно было бы вводить русские неологизмы [*bleib doch friedlich!* "не заводись!" (в отличие от "не волнуйся"); *einen weichen Keks haben* "сдвиг по фазе", "крыша поехала" (а не "с ума сойти"); *Narrenhaus* "дурдом" (а не "сумасшедший дом")] или чаще обращаться к сильно активизировавшимся в последнее время заимствованиям из языка уголовников (*бабки, заточка, ксива*), хотя псевдопараллелизм коннотаций в подобных случаях становится вероятнее. По линии диахронии также найдутся претензии. Временные рамки здесь не решающи, и уход слова из активного применения также еще недостаточен, поскольку нередки реставрации и оживление забывшегося.

К положительной роли обсуждаемого словаря относится то, что определенная его часть с соответствующей обработкой может пополнить общие словари, как одно-, так и двуязычные. Главное при составлении резюмирующего мнения по поводу словаря В.Д. Девкина в том, что это фундаментальная,

солидная работа, выполненная с большим профессиональным мастерством и, несомненно, способная удовлетворить запросы самых разных теоретиков и практиков. В заключение отметим следующее. Отказ от догматического подхода к словарю, терпимость к его недочетам, учет нежесткости нормированности функционирования, подвижности границ разговорного слова, его сильной ситуативной и субъективной зависимости должны способствовать творческому использованию данной книги.

Словарь должен заинтересовать не только российских германистов, но и зарубежных (также и за пределами немецкоязычных стран), и, кроме того, славистов, специалистов по переводу и многочисленных практиков, связанных с немецким языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маковский М.М. 1982 – Английские социальные диалекты. М., 1982.
 Küpper H. 1987 – Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg, 1987.

М.М. Маковский

M. Mahmoudian. Modern theories of language: The empirical challenge. Durham; London: Duke University Press, 1993. XVI, 231 p.

Рецензируемая монография принадлежит автору, чье имя известно отечественному читателю: "La linguistique", предыдущая книга М. Мамудяна [Mahmoudian 1982], профессора Лозаннского университета, в 1985 году была опубликована в русском переводе [Мамудян 1985].

Новый труд, который вышел в серии "Sound and meaning: The Roman Jakobson series in linguistics and poetics", издающейся под общей редакцией К.Х. Схоневельда, посвящен кардинальным проблемам общего языкознания, и основной его пафос не может не вызывать сочувствия по крайней мере у тех, кому близки традиции Л.В. Щербы: это настойчивый призыв к учету языкового материала во всей его полноте, к широкому использованию экспериментальных, в широком смысле, данных с их количественной оценкой и предпочтению "естественных классификаций", отвечающих текстовой реальности и интуиции носителя языка.

Книга состоит из двух частей, разделенных на главы. В первой части автор ставит перед собой две цели: во-первых, дать общее представление о современном состоянии лингвистики, которое было бы доступно и начинающему, а, во-вторых, изложить основ-

ные принципы, которыми он руководствуется при решении лингвистических проблем, ставших предметом исследования в основной, второй части.

Сразу же скажем, что перед нами – добротный образец "профессорской прозы". Речь идет не о стиле – во всяком случае, не столько о стиле, сколько о стремлении к прозрачности изложения и, что еще важнее, к целостному представлению своего предмета. Если "чистый" исследователь может позволить себе исходить из предположения, что читатель знаком с основными фактами и теоретическими представлениями, чтобы сосредоточиться на углубленном изучении частных проблем, то "преподавательская инерция" заставляет его тщательно формулировать исходные посылки, освещать основы общей теории и т.п. Соответственно и Мамудян в своем изложении останавливается на таких глобальных вопросах, как понимание коммуникации, различие между теорией и моделью, соотношение классификации и объяснения и т.д. и т.п.

В числе центральных общих положений можно выделить утверждение об "относительности" языковой структуры – об иерархичности признаков, которые составляют ее

фундамент, и о "нежесткости" (fuzziness) признаков, когда релевантность последних носит градуальный характер.

Мамудян различает разные типы иерархии языковых явлений: иерархию, обусловленную социально и индивидуально-ментально (psychic hierarchy), внешнюю и внутреннюю. Вообще говоря, не все из указанных терминов адекватно отражают суть дела. Так, под "социальной иерархией" имеется в виду распределение тех или иных признаков применительно к членам популяции носителей языка, о д н о р д н ы х в социальном отношении. Например, если 16 из 40 информантов предпочли толкование предложения *All the boys didn't arrive* как "not all the boys arrived", 4 избрали вариант "all the boys failed to arrive", 20 сочли возможное толкование неоднозначным, то в "социальной иерархии" первому из двух возможных толкований присваивается более высокий статус (с. 47). В отличие от этого, "ментальная иерархия" – это распределение соответствующих признаков, действительное для данного носителя языка. Интегральная характеристика по этим двум параметрам дает внешнюю (extrinsic) иерархию, которая отражает, насколько "жестко" закреплены в системе те или иные признаки, правила и т.п.

Внешняя иерархия связана с частотностью и интегрированностью единицы (признака, правила) в системе (с. 52–54). А это уже вводит нас в сферу внутренней (intrinsic) иерархии, которая определяется степенью генерализованности (generality) в противоположность исключительности: более высокое положение в этой иерархии занимают те языковые явления, которые функционируют по общезначимым правилам.

То, что характеризуется высоким статусом одновременно с точки зрения внешней и внутренней иерархии, составляет обычно центр языковой системы, противопоставляющийся периферии последней.

Не все в экспозиции первой части может быть поддержано безоговорочно. Это относится прежде всего к принципам разграничения морфологии, синтаксиса и семантики. Согласно автору, синтаксис – это сфера целостных знаков, т.е. без выделения означающего и означаемого, морфология – сфера означающего, а семантика – означаемого. Отсюда, в предложении *John started yesterday* синтаксису принадлежат проблемы вычленения знаков *John, start, -ed, yesterday* и выявление правил их употребления, а морфологии – в сущности, только лишь закономерности алломорфии (с. 24 и др.). Такое перераспределение предметных областей морфологии и синтаксиса, безмерная экспан-

сия последнего за счет столь же безмерного ограничения первой едва ли оправданны. Ведь при этом утрачивается важнейшая разграничительная линия, разделяющая морфологию как формообразование, парадигматическое по своей природе, которое определяет трансформационный потенциал с л о в а, и синтаксис как синтагматическую комбинаторику и преобразование разного рода сочетаний-комбинаций, т.е. как формационный и трансформационный потенциал с л о в о - с о ч е т а н и й (в широком смысле, включая – и даже в первую очередь – предложения).

Кстати, в другом месте (с. 63) М. Мамудян упоминает пример Л. Ельмслева, согласно которому сегменту *-za* во франц. (*il aimera*) соответствуют в п л а н е с о д е р ж а - н и я 4 элемента – буд., индикатив, 3 л., ед.ч., и отмечает, что именно такого рода явления он имеет в виду под морфологией; но в таком случае – в полном согласии с традицией – морфология не занимается исключительно означаемыми.

Вторая часть монографии начинается с главы "Центральные (outstanding) проблемы синтаксиса", но обсуждаются здесь и вопросы более широкого плана. В частности, справедливо указывается, что нередко различия между школами, вводимые инновации носят преимущественно терминологический характер. Так, знаменитый принцип творческого использования языка (creativity) Хомского во многом сводим к принципу двойного членения Мартине (мы бы добавили – и к соответствующим положениям Бодуэна), ибо оба предполагают порождение неограниченного множества высказываний из ограниченного множества элементов (с. 66; ср. также [Касевич 1977]).

Здесь же обсуждаются проблемы функции и класса, которые опять-таки рассматриваются как допускающие вероятностную интерпретацию и как подлежащие соответственно эмпирическому (экспериментальному) исследованию: "...Не следует спрашивать, имеет ли данная монема *m* функцию *f* в высказывании *u*, но [скорее] в какой степени присуща эта функция" (с. 77); "...классы монем не обладают жесткими границами, они могут и должны рассматриваться как образующие некоторые континуумы" (с. 81).

Автор приводит целый ряд данных, показывающих относительный, а не абсолютный характер языковых правил. Так, указывается что французские суффиксы по сочетаемости с глагольными основами (т.е., иначе, по продуктивности) образуют упорядоченный континуум: *-ement, -age, -eur > -ant > -ation*,

-ure, -ade > -ance, -eux, -aill(er), -able (с. 89). В области французского синтаксиса демонстрируется необязательность 1-го актанта в зависимых предложениях в противоположность независимым, ср.: *J'entendais les enfants chanter dans le jardin un air populaire* и *J'entendais chanter dans le jardin un air populaire* (с. 99).

Проблемы семантики получают специальное освещение в главе VI второй части монографии, где автора занимают вопросы как лексической, так и грамматической семантики. Для описания обеих "разновидностей" семантики признаются необходимыми понятия признаков, в терминах которых ведется описание, поля – как способа иерархического распределения признаков и их сочетаний – и контекста, относительно которого реализуются те или иные признаки и их комбинации.

Здесь также особое внимание уделяется размытости означаемого и нецелесообразности попыток втискивать диффузные по природе значения в жесткие рамки двузначной логики, когда "вместо поиска логики носителя языка и следования ей описание создает свою собственную логику и подгоняет под нее языковую структуру" (с. 108). Это, в частности, иллюстрируется различными значениями франц. глагола *courir*, семантика которого в случаях наподобие *Je prends ma voiture et je cours chez vous*, *Le bateau courait au large* и т.п. не может быть охарактеризована посредством признака "передвижение с помощью ног", а для некоторых случаев, ср. *Allez vite sans courir* – даже и посредством признака "быстрое передвижение". Предлагается прибегать к оговариваемой степени приближенности, которая соответствовала бы наиболее обычному словоупотреблению.

Хотелось бы заметить в связи с этим, что в литературе давно известен способ формализации "нечетких множеств" и операций с ними, когда, например, значение "молодой" "...интерпретируется как название некоторого нежесткого ограничения на базовую переменную **возраст**..." и, скажем, совместимость численного значения 28 со значением "молодой", равная 0,7, "состоит в том, что оно (значение совместимости. – В.К.) есть ...субъективная мера того, насколько возраст 28 лет соответствует в представлении субъекта слову *молодой*" [Заде 1976: 13, 14]. К сожалению, теории Л. Заде практически не нашли применения в языковедческих изысканиях (если не считать модели восприятия речи Д. Массаро [Massaro 1987]).

Важное место в работе занимает глава VII, посвященная лингвистическому эксперимен-

тированию. Безусловно справедливыми представляются общие положения, согласно которым эксперимент призван ограничить неоднозначность, достаточно типичную при равно-возможности конкурирующих теоретических описаний (ср. [Касевич 1983]); в то же время и при использовании экспериментальных данных абсолютное устранение из описания известного элемента субъективизма достижимо далеко не всегда (с. 157).

Излагая результаты конкретных экспериментов по исследованию грамматической семантики во французском языке, Мамудян предлагает характеризовать тип эксперимента в терминах следующих бинарных признаков: (1) обращение к референту /перифразирование; (2) обращение к говорящему (от значения к форме)/обращение к слушающему (от формы к значению); (3) использование оценки экспериментатора (экспериментатор предлагает некоторую оценку, которую информант принимает или отвергает)/неиспользование оценки экспериментатора (с. 160).

Любопытны результаты, относящиеся к изучению семантики имперфекта: "...в роли слушающего носитель языка склонен признавать имперфект в качестве средства выражения реального события, тогда как при порождении речи он может использовать эту же форму для обозначения и реального, и гипотетического события" (с. 164). В то же время статистически и для говорящего определенно преобладают реакции, при которых имперфект интерпретируется как форма для передачи реального события, поэтому признается, что в системе за данным значением соответствующей формы закреплен иерархически более высокий статус.

Результаты другого эксперимента, в котором испытуемые должны были определенным образом интерпретировать фразы типа *Cette mère a eu deux bébés* и *Cette mère a eu huit bébés*, показали, что с возрастанием абсолютной величины числа, отражаемого числительным, интерпретация "давала крен" в пользу значения "сколько раз рожала", а не «сколько детей родила "за один раз"» (или же ситуация переосмысливалась как относящаяся к животным). Как пишет автор, результаты "дают ответ на вопрос о том, является ли грамматическое значение независимым по отношению к лексическому или к знаниям о мире" (с. 168).

М. Мамудян проводит также развернутое сопоставление природы фонологических и семантических единиц. С его точки зрения, носитель языка владеет эксплицитным знанием об оппозитивных отношениях между

фонемами, что является следствием основной функции последних – дистинктивной (хотя, заметим, это далеко не бесспорно, ср. [Касевич 1983]); в частности, для носителя языка не составляет трудности перечислить фонемы соответствующей системы. При этом, однако, носитель языка не способен дать характеристику фонем в терминах дифференциальных признаков или сформулировать правила соотношения фонемы и контекста. В отличие от этого, значения не находятся в отношении оппозиции, но носитель языка в состоянии сознательно оперировать семантическими признаками языковых единиц и соотносить их с контекстом. Соответственно, широко практикуемое перенесение методов фонологического анализа в область семантики признается неправомерным.

Автор различает сознательное и операциональное владение (conscious/operational knowledge) языковыми единицами и признаками. В фонологии ("интуитивной" фонологии носителя языка) представлены оба вида знания, синтаксис связан преимущественно с операциональным типом знания, а семантика – с сознательным (с. 174–180).

Признавая реальность указанной дихотомии, нельзя не отметить, что в изложении автора ситуация предстает неоправданно упрощенной. Язык в целом лежит, скорее, в области бессознательного [Якобсон 1978] и операционального. Что касается более конкретных положений, то, например, информанты-русские, получив задание перечислить согласные родного языка, обычно не включают мягкие – по той простой причине, что для последних нет самостоятельных графем [Бондарко 1966]; в то же время среди гласных называются *е, ё, я, ю*. Умение сознательно оперировать семантическими признаками и соотносить их с контекстом зависит принципиальным образом от наличия соответствующих языковых средств, позволяющих реализовать описание (например, если в языке нет глагола со значением "каузировать", то "наивное" описание инвариантного значения каузатива едва ли возможно); во всех же остальных случаях мы имеем дело с суждениями относительно идентичности/неидентичности, приемлемости/неприемлемости, а также, естественно, с умением сопоставлять слова и высказывания реальным объектам и ситуациям, что, строго говоря, не предполагает сознательного владения единицами и их признаками. Из пионерских работ Л.С. Выготского известно, что и в онтогенезе адекватное употребление языковых средств предшествует осознанию (подлинное же осознание связано с "формальным" обучением).

В заключительной главе монографии

вновь поднимаются вопросы относительно сущностных признаков языка и языкознания. Один из (печальных, вероятно, но справедливых) выводов заключается в том, что лингвистика не принадлежит к числу "нормальных" (в смысле Куна) наук.

Рамки краткой рецензии не могут, конечно, отдать должное богатству теоретического и экспериментального содержания книги. Как уже отмечалось выше, ее основное достоинство мы склонны видеть в последовательном проведении линии на сближение теоретической лингвистики с эмпирическим, экспериментальным изучением языковой компетенции говорящего/слушающего, в столь же последовательном отказе от упрощенных решений по типу "да/нет", если языковая картина обнаруживает сложную – вероятностную и иерархизированную по релевантности соответствующих признаков – природу.

Не можем не заметить в заключение, что название книги в известном смысле дезориентирует потенциального читателя: последний вряд ли получит из нее представление о "современных теориях языка"; несмотря на делающиеся время от времени ссылки на генеративную лингвистику, надежную грамматику и т.п., положения этих теорий (не говоря уже о более поздних версиях наподобие Government-binding theory, Generalized phrase structure grammar, Lexical-functional grammar и др.) не раскрываются и не анализируются. Но это – претензия к названию, а не к самой монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко Л.В. 1966 – Некоторые замечания по поводу маркированности–немаркированности членов фонологических противопоставлений // Исследования по фонологии / Под ред. С.К. Шаумяна. М., 1966.
- Заде Л. 1976 – Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. М., 1976.
- Касевич В.Б. 1977 – Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич В.Б. 1983 – Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Мамудян М. 1985 – Лингвистика. М., 1985.
- Якобсон Р.О. 1978 – К языковедческой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / Под общ. ред. А.С. Прангишвили и др. Т. 3. Тбилиси, 1978.
- Mahmoudian M. 1982 – La linguistique. P., 1982.
- Massaro D.W. 1987 – Speech perception by ear and eye: A paradigm for psychological inquiry. Hillsdale (N.J.); L., 1987.

В.Б. Касевич